

Изъ жизни Максима Горькаго.

О первых литературныхъ дебютахъ, о первыхъ шагахъ Максима Горькаго къ той огромной известности, которой окружено нынѣ это прославленное имя, ходятъ самые фантастическіе рассказы, создаются легенды самыя невероятныя. Для будущаго биографа Горькаго представлять значительный интересъ и послужить цѣннымъ матеріаломъ воспоминанія чловѣка, непосредственно принимавшаго близкое участіе въ жизненной и писательской судьбѣ Алексѣя Максимовича.

А. А. Трещевъ, небезызвѣстный литературный критикъ, знакомый Москвѣ по участию своему въ покойномъ „Курьерѣ“, собралъ немало матеріаловъ, относящихся какъ разъ къ ранней порѣ дѣятельности Горькаго, тогда начинающаго беллетриста.

А. А. Трещевъ—самарецъ. Онъ въ 1895 г. жилъ въ Самарѣ—какъ разъ въ то время, когда перебрался сюда и Горькій, пробовавший свои силы въ качествѣ фельетониста провинціальной газеты. Объ этомъ знакомствѣ съ юной Горькимъ, объ этихъ первыхъ дебютахъ будущей европейской знаменитости, и гласятъ интересныя воспоминанія Трещева, которыми онъ и подѣлился съ нами.

Весною 1895 года самарскіе обыватели съ любопытствомъ разглядывали появившійся въ ихъ городѣ юношу-оригинала... Высокій, плечистый, слегка сутулый, онъ неутомимо шагала по пыльнымъ улицамъ, грязноватымъ базарнымъ площадямъ, заходилъ въ трактиры и пивнушки, появлялся на пароходахъ, возлѣ лодокъ и баржей, въ городскомъ саду, заглядывалъ въ окна магазиновъ и раскрытыя двери лавчонокъ. Словомъ—толокся среди пестрой толпы и на рядной публики, всюду какъ бы взглядываясь въ гущу жизни и прислушиваясь къ гомону и крикамъ...

Встрѣчныхъ, особливо „изъ господъ“, удивлялъ его разношерстный, сборный костюмъ. Старенькая темная крылатка, раздувавшаяся на ходу, подъ нею русская рубашка, подпоясанная узкимъ кавказскимъ поясомъ; хохлаткія штаны синіи бумажныя, сапоги татарскіе, мягкіе, съ вставками изъ кусочковъ селеной, красной и желтой кожи; въ рукахъ—толстая, суковатая палка, на головѣ—черная мягкая шляпа, съ большимъ обвисшимъ отъ дождя полями.

Изъ-подъ шляпы висѣли длинными прядями свѣтлые волосы.

— Кто такой?—думалъ обыватель. Можетъ быть диаконъ-растрига. Или просто актеръ малороссійской труппы, набравшій костюмъ во время своихъ скитаній... Во всякомъ случаѣ, какой-то чудной и явно необстоятельный чело-

вѣкъ.

И никто не удивился, когда нѣкоторое время спустя выяснилось, что это новый сотрудникъ „Самарской Газеты“, пишущій въ ней ежедневный фельетонъ на мѣстныхъ „злобы“—легу-диль Хламида.

...Вскорѣ я познакомился съ нимъ и узналъ, что его зовутъ Алексѣй Максимовичъ Пышковъ, что онъ ро.омъ изъ Нижняго, цѣловой, съ 14-ти кажеиъ лѣтъ, убѣжавъ отъ попечительнаго дядюшки-подрядчика, (ро.итъ по Руси, занимаясь самыя разнообразными дѣлами.

О нихъ самъ Алексѣй Максимовичъ говорилъ и писалъ такъ: „Я вступилъ въ жизнь, въ активную жизнь, ученикомъ маляра, затѣмъ пекъ булки, писалъ иконы, пасъ лошадей, копалъ землю для разнообразныхъ надъ постей,— между прочимъ, для покойниковъ,—былъ крочникомъ, ночнымъ сторожемъ, корчеваль ини, былъ саловникомъ, испыталъ еще много свободныхъ профессій“...

За еже.невное писаніе фельетоновъ и статей и помощь при составленіи газеты І. Хламида было положено 100 рублей въ мѣсяцъ, а за рассказы Горькому сверхъ этого—по 3 коп. за строчку. Далеко до тысячныхъ гонораровъ съ листа 6—7 лѣтъ спустя...

Съ болѣе чѣмъ скромнымъ багажемъ въ видѣ раздрызваннаго чемоданчика, перевязаннаго веревочкой, и тощей полушки, Алексѣй Максимовичъ водворился на жительство на Вознесенской улицѣ, въ полугорѣ надъ Волгой, въ мѣщанскомъ въ три окна домишкѣ, принадлежавшемъ нѣкому самарскому итальянцу Перини.

Бельражъ этого неказистаго оселника, съ узкимъ дворикомъ позади, заросшимъ сорной травой, занимался семьею частнаго повѣреннаго Д. С. К.—на, а вновь пріѣзжій сотрудникъ, принятый той сомей на хлѣбъ (квартира, столъ и все—25 руб. въ мѣсяцъ), ютился визую, въ довольно сыромъ и темномъ полуподвалѣ. Квадратныя оконца послѣдняго еле видны были съ улицы, и когда гость приходилъ лѣтнимъ днемъ къ Алексѣю Максимовичу, то, чтобы узнать дома-ли онъ, садился на корточки на тротуарѣ и, склонивъ голову, заглядывалъ внизъ...

Внутренніе апартаменты А. М. напоминали не то монашескую келью, не то камеру одиночнаго заключенна въ плохонькомъ „замкѣ“—своими выбѣленными стѣнами, свѣтломъ сверху изъ-подъ нависшаго потолка и убогой желѣзной койкой. Украшеніе комнаты составляли нѣсколько фотографій на стѣнахъ и полочка книгъ.

Подъ вечеръ въ каморѣ дѣлалось мрачно, какъ въ гробу. Выходили въ теплое время на волю продолжать бесѣду на дворѣ, на бревнышкѣ, или за чаемъ на поставленномъ среди травки столѣ, поглядывая черезъ крыши домишекъ, что подъ горою, на сѣрую ленту Волги,

а ревушаго при поворотѣ „Меркурія“, на пески и талы противоположнаго симбирскаго берега, съ бѣлой колокольней Рождества вправо...

— Не пойти ли на пристань?—часто предлагалъ Алексѣй Максимовичъ, прирожденный волгарь, вѣроятно, и въ „лазурномъ гротѣ“ вспоминавшій свою родную, широкую изжелта-сѣрую рѣку.

— Или на лодкѣ? На Татьянку, примѣрно... Здорово, а?..

И почевали на берегу рѣчки, возлѣ кустовъ, спасаясь отъ комаровъ у костра. Покупали у рыбаковъ рыбу.

Босой, засучивъ шаровары и рукава рубахи, Алексѣй Максимовичъ, припоминая свою службу у пароходнаго повара, чистилъ рыбу возлѣ воды, на корточкахъ, завѣсивъ лицо волосами.

...Писалъ очень много и необычайно легко... Дебютировалъ въ „Самарской Газетѣ“ въ 1894 году рассказомъ „Два босяка“. Въ 1895 г. въ серіи рассказовъ подъ общимъ названіемъ „Тѣневныя картинки“ третьимъ по счету былъ „Въ Черноморьѣ“ (пѣсня),—знаменитая „Пѣсня о соколѣ“, вошедшая подъ этимъ названіемъ въ собраніе сочиненій. Въ Самарѣ же былъ написанъ „Челкашъ“. Многіе изъ написанныхъ имъ въ то время очерковъ и рассказовъ не вошли въ собраніе сочиненій; нѣкоторые послужили въ качествѣ этюдовъ для позднѣйшихъ широко задуманныхъ работъ.

Лѣтомъ 1896 года Алексѣй Максимовичъ женился на Ек. Павл. Волжиной, дочери дворянина, кончившей самарскую гимназію и служившей одно время въ „Сам. Газ.“ корректоршей.

Осенью того же года перебрался въ Нижній, гдѣ и зажилъ уже своимъ домомъ. Былъ уже написанъ „Челкашъ“, обратившій на Горькаго вниманіе читателей и критики; выпелъ 1-й томъ рассказовъ, писался „Фома Гордѣевъ“, а послѣ него—„Трое“, „Мѣшане“. Наступила пора кипучей, свѣтло-радостной работы (1896—1910 г. и далѣе).

Алексѣй Максимовичъ какъ-то выпрямился во весь ростъ, натянулся, какъ струна. Вышняя—въ 4—5 небольшихъ комнатахъ квартиры Высокій, плечистый, мужественный, въ своей неизмѣнной черной рубашкѣ изъ сукна, онъ имѣлъ славный и зоркій видъ рулевого, выпелъ много съ своимъ кораблемъ изъ тумана и увѣренно держащаго курсъ... Успѣхъ росъ не по днямъ, а по часамъ—скажочно. Такъ же росла его популярность въ Россіи, перебрасывалась далеко за ея предѣлы... О Нижнемъ и говорить нечего.

Въ Самарѣ Алексѣй Максимовичъ жилъ очень уединенно и игралъ роль пророка въ своемъ отечествѣ. Мѣстный „бомондъ“ и не по-озрѣвалъ, что гдѣ-то въ подвалѣ зрѣетъ и развѣртывается стихійно талантъ.

Честь признать художника принадлежать родному городу его—Нижнему. Здѣсь его скромная—въ 4—5 небольшихъ комнатахъ квартира сдѣлалась около 1900 г. мѣстомъ своего рода паломничества разнаго сорта и званія людей.

Между его многочисленными каентами, ждавшими помощи и „влиянія“, былъ даже околочный, мечтавшій перевестись въ другой участокъ... Больше всего, конечно, приходило поклонниковъ таланта, любопытныхъ интервьюеровъ и начинающихъ писателей... Среди послѣднихъ былъ... приставъ, приходившій жаловаться на свою долю и читать стихи...

Къ этому времени относится тѣсная дружба Горькаго съ Шалляпинымъ, который изъ года въ годъ пріѣзжалъ во время ярмарки въ Нижній на гастроли. Съ Горькимъ онъ былъ почти неразлученъ, а возлѣ нихъ шумѣлъ рой начинающихъ писателей, артистовъ, учащейся молодежи, друзей и почитателей...

Писатель, когда не работалъ, былъ все время на людяхъ, не жилъ—горѣлъ. Пообѣдать спокойно нельзя было: изъ кухни просовывалось одно любопытное лицо за другимъ... Ски-галецъ написалъ шутовую оперетку, гдѣ вывелъ Горькаго съ его знакомыми и посѣтителями, себя и др. Алексѣй Максимовичъ пѣлъ въ ней жалобную арию: „Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я знаменитымъ, я щей горячихъ не хлебаль“.

Осенью 1901 года, когда мы сидѣли за утреннимъ самоваромъ, часовъ въ 10, и слушали, какъ Степанъ (Скигалецъ) игралъ на гусляхъ и тихо гудѣлъ съ самарскимъ гостемъ любимую хозяиномъ пѣсню: „Чесаль милый кудри“... первымъ посѣтителемъ позвонился молодой чловѣкъ съ красивымъ южнымъ лицомъ брюнета, скромно спрашивая въ прихожей Алексѣя Максимовича. Въ потертой пубѣ, съ длинными и густыми черными волосами, падавшими на порыжѣлый воротникъ, онъ производилъ впечатлѣніе регента церковнаго хора.

— Андреевъ, Леонидъ Николаевичъ,—рекомендовалъ его Горькій. И добавилъ тихо, на ухо сосѣду:

— Судебный репортеръ въ „Курьерѣ“... очень талантливъ...

Какъ странно теперь слышать о той далекой порѣ—первыхъ дебютовъ Горькаго... Горькій въ качествѣ легудила Хламида, талантливый судебный репортеръ Андреевъ, Шалляпинъ...

Вѣрно объ этомъ времени теперь вспоминаетъ и самъ Горькій. Вспоминаетъ и тоскуетъ о Волгѣ, родную и тихую красоту которой врядъ ли замѣнитъ ему жаркое небо Капри, море, цвѣтущій югъ.